

Глава 9. Летние дикие ягоды

Поход Чжоу Юаня в уездную канцелярию вместе с Чэнь Сы и Мэн Чжуцзы прошёл вовсе не гладко. По дороге он столкнулся со старостой.

Староста кипел от ярости: Чэнь Сы и Мэн Чжуцзы — люди мелкие, бездельники, да ещё и осмелились притеснять слабых. Но куда сильнее его злило то, что Чжоу Юань не признал его власть и раздул дело до официального разбирательства.

Жена Чэнь Сы была младшей сестрой старосты. С самого утра она ревела навзрыд, причитая, что муж не вернулся домой. Будто бы он вышел только занять денег, но почему-то оказался в доме Чжоу Юаня, да ещё и вором...

Староста собирался воспользоваться своим положением, чтобы тихо уладить это «мелкое недоразумение», но не ожидал, что Чжоу Юань окажется таким несговорчивым.

Чжоу Юань сам догадался, что дорога в уезд окажется непростой, поэтому ничуть не удивился, увидев старосту, поджидающего их на дороге.

— Чжоу Юань, что здесь произошло?

Чжоу Юань ответил спокойно:

— Ночью я плохо спал. Услышал шум, поднялся, а у меня в доме взломанные двери.

— Тут, наверное, недоразумение, — староста натянуто улыбнулся, пытаясь его успокоить. — Мы ведь одной деревни люди. Не стоит вмешивать власти. Всё можно решить по-соседски.

Чжоу Юань покачал головой:

— Староста, маленькое это дело или большое, но с тех пор как я начал строить дом, я всё чувствую: в деревне меня не считают своим.

Его слова были прямым намёком, мол: староста, ты смотришь на меня как на чужака.

— Раз уж у деревни сложилось своё мнение обо мне... значит, стоит пойти в канцелярию и обсудить возможность переехать в другую деревню.

Староста тоже был раздражён. Никогда бы он не подумал, что его родственники окажутся такими никчёмными.

— Чжоу Юань, давай поговорим спокойно. Обещаю, что такого больше не повторится.

В конце концов дело так и не дошло до уездного разбирательства. Чжоу Юань знал, когда нужно отступить: если бы дело приняли официально, то, скорее всего, зацепили бы и Чэнь Цина с тётушкой Сун. Тогда неприятности были бы у всех.

Он просто последовал предложению старосты и потребовал с двух семей денежную компенсацию.

— Староста, я и правда хочу осесть здесь надолго, — сказал он.

— Конечно, конечно.

Так они всё и уладили. Согласно распоряжению старосты, Чэнь Сы и Мэн Чжуцзы отдали один-два ляна серебра в качестве компенсации Чжоу Юаню. Иронично, что это были те самые деньги, которые они когда-то заработали у него.

Чжоу Юань никак не мог выбросить из головы выражение лица Чэнь Цина прошлой ночью — какой лёгкий он был на руках, как дрожал от страха и холода. Юноша выглядел таким хрупким, будто серьёзно заболел. Поэтому Чжоу Юань заранее сходил к лекарю и купил ему успокоительное.

Вернувшись, он не стал заходить во двор, а остановился у ворот и заговорил с тётушкой Сун.

— Я не повёз их в канцелярию, — сказал он.

Тётушка Сун замерла на миг, а потом быстро всё поняла:

— Из-за старосты?

Чжоу Юань кивнул:

— Хотя я и предупредил их не распускать слухи, но стоит делу дойти до суда, и они легко скажут, будто той ночью вламывались к вам. И как только такой слух поползёт... репутации уже не смоешь.

Тётушка Сун закивала ещё быстрее:

— Понимаю. Ты столько сделал. И правда... так лучше всего.

Ведь Чжоу Юань был здесь чужаком и не мог позволить себе наживать слишком много врагов.

Увидев её реакцию, Чжоу Юань наконец почувствовал облегчение: он боялся, что тётушка Сун примет всё слишком близко к сердцу.

Она поспешила вернуть ему серебро, которое он дал ей раньше:

— Я никак не могу это принять.

Чжоу Юань ответил:

— Вся эта ситуация случилась из-за меня. Он ещё болеет, ему нужны деньги на лекарства. Не стесняйтесь.

Тётушка Сун тяжело вздохнула и убрала серебро.

С тех пор, проходя мимо этой части деревни, Чэнь Сы и Мэн Чжуцзы больше не смели раздражать «живого демона».

Чэнь Цин проболел три дня подряд. Всё его тело горело, жар не спадал, а у тётушки Сун от тревоги даже высыпали болезненные заеды.

К счастью, на третий день жар наконец отступил, и у Чэнь Цина появились силы. Иначе тётушке Сун пришлось бы самой тащиться за лекарем.

Чэнь Цин скорбел по Мэн Тао и уже несколько месяцев не ел мяса. После болезни он так исхудал, что казалось — подуй посильнее, и его унесёт ветром.

Тётушка Сун сказала, что три месяца траура прошли. Если он и дальше не будет есть мясо, то просто зачахнет. Спина у неё всё ещё болела, поэтому она просила Чжоу Юаня, когда тот ездил в уезд или в соседнюю деревню, приносить свинину или хотя бы костный бульон — что угодно, лишь бы подкормить Чэнь Цина.

Время летело быстро. Наступил июль, жара стояла невыносимая. После болезни и летней духоты Чэнь Цин похудел так сильно, что его было не узнать. Тётушка Сун изводилась от волнения, но не знала, чем помочь.

Хорошо хоть, работ в поле в это время почти не было, иначе она и представить не могла, как бы Чэнь Цин справился.

Дом напротив, который Чжоу Юань перестраивал, наконец был готов. Последние дни он каждый день ездил в город за нужными вещами. Но даже если бы тётушка Сун не просила, он всё равно помогал бы приносить им покупки.

Поскольку Чэнь Цин был болен, а у тётушки Сун болела спина, Чжоу Юань по вечерам набирал для них воду. Чэнь Цин пытался отказаться, но, увидев, каким слабым он стал, тётушка Сун настояла на том, чтобы принять помощь.

В один из дней на плите томился горшок костного бульона. Из-за жары в кухне сидеть было невозможно, поэтому тётушка Сун и Чэнь Цин отдыхали подальше от огня. Чэнь Цин в тот день чувствовал себя лучше, так что даже немного разговорился.

Его нынешняя болезнь явно взяла корни в старых ранах.

Он встретился взглядом с тревожными глазами тётушки Сун. Губы его дрогнули, а голос стал хриплым:

— Моего отца убили среди ночи.

Горло перехватило.

— Тогда я так боялся... я ничего не сделал. Не встал на его защиту.

— Но ты защитил меня, — мягко сказала тётушка Сун, поглаживая его по волосам. — А-Цин, ты был очень храбрым.

Чэнь Цин закрыл глаза ладонью.

— У меня от отца характер. Он был храбр всего два раза в жизни. Первый — когда настоял, что пойдёт в уездную управу подавать жалобу. Тогда родня бабки поймала его и до полусмерти избила. Второй — когда решил, что лучше умрёт.

Он поднял на неё глаза, в которых блеснули слёзы:

— Если у него хватило храбрости умереть... почему не хватило храбрости жить?

Это был первый раз, когда тётушка Сун слышала от него такие подробности прошлого.

Она погладила его по плечу, скорбь отразилась на её лице.

— Не думай больше об этом. А-Цин, нужно смотреть вперёд.

Чэнь Цин кивнул:

— Да. Я понимаю, мама.

В этот момент у двери послышался звук. Чэнь Цин опустил голову и быстро вытер слёзы. В печи потрескивали дрова. Ему стало жарко, и он вышел посидеть в главной комнате. Тёплый ветерок прошёлся по помещению, охлаждая ему лицо.

Сейчас не было посадочного сезона. Поле, которое выделили Чжоу Юаню, пустовало. Выдернув сорняки, он отправился в горы посмотреть, что можно собрать. Ему ещё нужно было обдумать, чем он будет зарабатывать на жизнь.

В этом сезоне рис можно было только покупать, а деньги, с которыми он приехал в деревню, почти закончились. Нужно срочно что-то придумать...

Первое, что пришло ему в голову, — подняться в горы. Он был силён и бесстрашен, и, приняв решение, тут же взял большой нож и отправился в путь.

Однако охотником он никогда не был и привычек горных зверей не знал. В этот первый поход он так ничего и не добыл.

Зато на обратном пути заметил фруктовое дерево, увешанное гроздьями мелких плодов. Чжоу Юань потряс его и несколько ягод упало на землю. Он поднял одну, попробовал: сначала во рту разлилась кислота, а потом лёгкая сладость.

Чжоу Юань встряхнул дерево сильнее, собрал упавшие плоды и набил ими карманы. Для первой вылазки в горы добыча была хоть и скромной, но всё же добычей.

Дома он перебрал фрукты, выбросил примятые и червивые, а свежие, красивые сложил в корзинку и понёс к дому тётушки Сун.

— Ах, дикие фрукты... — лицо тётушки Сун просияло, как только она их увидела. Деревенским людям сладкое доставалось редко: конфеты покупали разве что к праздникам, так что природная сладость была для них радостью.

Дикие ягоды летом и сладкие корешки зимой были маленьким счастьем в их простой жизни.

— Если бы А-Цин не болел в этом году, то он бы сам уже на гору за ними бегал, — улыбнулась тётушка Сун, принимая корзинку. Вежливости тут не требовалось: дикие плоды любой мог собрать, кто успел — того и улов.

— Они только-только поспевают. Я попробовал...не очень сладкие, — сказал Чжоу Юань.

Тётушка Сун засияла ещё ярче:

— А-Цину такие нравятся. Он этим летом столько натерпелся, а кисло-сладкий вкус хоть аппетит подогреет.

Чжоу Юань опустил голову:

— Хорошо, тётушка. Я пойду.

Тётушка Сун проводила его взглядом, затем поставила фрукты перед Чэнь Цином.

— В этом году тебе самому не пришлось за ними ходить.

Глаза Чэнь Цина улыбнулись, изогнувшись дугами. Только когда перед ним была какая-нибудь вкусность, он выглядел как обычный юноша.

Он не удержался и сразу взял один плод. Яркая кислинка разошлась по языку и разожгла аппетит. Последние недели он ел через силу, только чтобы не упасть. А теперь, съев несколько ягод, он вдруг почувствовал настоящий голод.

С возвращением аппетита Чэнь Цин стал поправляться куда быстрее. Через пять дней он почти полностью пришёл в себя, силы постепенно возвращались.

— Матушка, я пойду постираю одежду, — сказал он, собирая вещи, в которых прохаживал эти дни. Летом все любили стирать вещи в реке, плескаясь в воде.

Тётушка Сун поняла его намерения по одному взгляду:

— Ты только-только поправился. В воду не лезь. Постираешь и сразу домой.

Чэнь Цин кивнул и, обхватив таз, выбежал.

Сейчас солнце стояло в зените. Большинство людей дремало дома, именно поэтому он выбрал такое время для стирки.

Он присел у большого камня, которым часто пользовался. Помня наставления тётушки Сун, юноша не стал разуваться, лишь опустил в реку одежду.

— Чэнь Цин!

Он поднял голову, к нему шёл Ли Синь со своим тазом. На его лице вспыхнула радостная улыбка.

— Ли Синь? Ты вернулся?

Ли Синь был одним из немногих друзей Чэнь Цина в деревне. Когда он только приехал, то никуда не выходил, словно был застенчивой невесткой. Тётушка Сун тогда попросила Ли Синь вывести его в люди.

Ли Синь относился к нему теплее всех: водил повсюду, знакомил с каждым. Но за последние годы многие их ровесники уже вышли замуж или женились, поэтому видеться им удавалось редко.

— Я же говорил, что зайду сегодня, — сказал Ли Синь, подходя к юноше и внимательно его оглядев. — Ты так похудел.

Чэнь Цин наконец немного расслабился.

— Несколько дней болел... только оправился.

Ли Синь присел рядом, опуская свои вещи в воду, улыбаясь. По нему было видно, что, живя у бабушки с дедушкой, он ни в чём не нуждался.

Чэнь Цин знал, что у его родителей в доме всё ладно: поэтому он и приехал с матерью. Отец не возражал.

— Я слышал, что случилось у тебя дома. Ты в порядке?

Чэнь Цин кивнул:

— Всё хорошо.

— А о будущем ты думал? — спросил Ли Синь. — Я слышал от отца, что ты всё ещё в трауре по Мэн Тао. Не собираешься когда-нибудь снова жениться?

Чэнь Цин покачал головой:

— Нет. Я останусь с матушкой.

Ли Синь не стал его убеждать. Он знал его четыре-пять лет и прекрасно понимал, какой тот упрямый.

— Фу... мой отец говорит, что собирается женить меня, — пожаловался Ли Синь. Он никак не мог понять, почему взрослому обязательно нужно жениться.

— А разве это плохо? — Чэнь Цину было непонятно его недовольство. Он не раз слышал от деревенских, что Ли Синь уже восемнадцать.

— Знаешь, на кого отец положил глаз? — Ли Синь наклонился поближе, заговорщически понижая голос.

Отец у него был единственным кузнецом в округе. С таким ремеслом семья жила с достатком, и, конечно, он не собирался выдавать сына абы за кого.

— Говорят, ему приглянулся тот мужчина, что вернулся с войны и поселился у нас. Отец сказал, настоящий мужик должен иметь такой вид и характер.

Рука Чэнь Цина ослабла. Одежда, которую он держал, выскользнула у него из пальцев, шлёпнулась в воду и окатила брызгами их обоих.

<http://bllate.org/book/14422/1274908>